

О.В.Безносова

ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ: ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА К МЕННОНИТАМ (1871-1916)

У статті простежений взаємозв'язок поміж внутрішнім розвитком російського менонітства як конфесії та змінами в політиці уряду щодо менонітів упродовж другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Доведено, що при розробці конфесійної політики уряд певним чином ураховував думку та реакцію менонітів щодо планування змін в їхньому статусі, а також яким чином вони дотримувалися домовленостей щодо недоторканності місіонерських інтересів державної Православної церкви.

Конфессиональная политика правительства Российской империи на протяжении ХІХ ст. претерпела довольно заметные изменения. Эта тенденция особенно ярко проявилась в эпоху реформ 60-70-х гг. ХІХ ст., когда правительство перешло от политики невмешательства в религиозные дела меннонитов к широкомасштабным реформам. Они имели своей конечной целью проведение унификации сельского населения империи, уравнившей в правах бывших иностранных колонистов (в том числе и как последователей «иностранных исповеданий») с остальными подданными империи. Закономерным результатом более-менее последовательного ее проведения стала тенденция к укреплению позиций государственной Православной церкви и ограничению вероисповедных прав других религиозных конфессий.

Одним из самых ярких примеров осуществления этой политики стало сначала распространение воинской повинности (пусть даже в альтернативных формах) на меннонитов и других колонистов-пацифистов, а затем и дальнейшее постепенное и весьма последовательное наступление на конфессиональные права меннонитов на протяжении последующих лет. Эти события обычно трактуются меннонитской историографией исключительно как проявление волюнтаризма российского правительства, нарушившего все свои обязательства и обещания, которые были даны меннонитам при переселении в Россию¹. Тем не менее, изучение, с одной стороны, архивов переписки различных властных инстанций по поводу пересмотра кон-

фессионального статуса меннонитов², а с другой стороны – рассмотрение меннонитского сообщества как церковного организма, прошедшего в тот период времени разные стадии своего социального развития, заставляет прийти к выводу, что процесс пересмотра конфессионального статуса меннонитов правительством был совсем не однозначен и изменение религиозной политики государства было спровоцировано, в числе других прочих факторов, самим внутренним развитием их религиозного сообщества. Как известно, любая конфессия как сообщество последователей определенного вероучения представляет собой социальный организм, развитие которого проходит в несколько стадий: от «общины верующих» (имеющий высочайший уровень пиетизма и обостренной религиозной самоидентификации и нередко положение социальных маргиналов) через период социальной адаптации и постепенного вхождения в общество (сопровождающийся, соответственно, снижением уровня пиетизма и пассионарности) к организации церковной структуры. Этот путь нередко сопровождается внутренними религиозными спорами и образованием в рамках конфессии новых религиозных групп, недовольных постепенным «обмирщением» своего сообщества. Особенно ярким примером такой модели развития являются меннониты, изначально вступившие на путь конгрегационного (неиерархизированного) развития церковных структур. Однако, если в Европе (после эпохи Реформации и Контрреформации) и особенно в Америке путь их социальной адаптации в обществе происходил более или менее органично, то взаимоотношения с Российским государством меннонитов как социального сообщества полны острых противоречий.

Главное и основное противоречие традиционным меннонитским укладом составил сам организационный принцип обустройства самоуправления в иностранных колониях в Российской империи, породивший своеобразный симбиоз практически неограниченной свободы веры и жестких гражданских административных порядков. В меннонитских поселениях было также введено сельское (светское) самоуправление, наряду с традиционным для меннонитов церковным. Таким образом, вопросы дисциплины курировали теперь уже не только церковные, но и сельские старшины. Поэтому неудивительно, что в новых социальных условиях проживания меннониты к концу эпохи Корнуса в 40-х гг. XIX ст. пришли к мысли о необходимости модернизации традиционных для них методов самоуправления путем придания в 1851 г. новых функций Церковному конвенту, ибо, как это признавали и чиновники и сами меннониты, отсутствие какого-либо вер-

ховного начальства губительно сказывалось на способности меннонитов решать важнейшие вопросы своего сообщества. Таким образом, Церковный конвент образца 1851 г. стал первой (переходной) стадией к современной форме общественной организации церковной жизни меннонитов. Однако тогда был сделан шаг в направлении социальной эволюции по иерархическому пути развития, впоследствии признанный ошибочным.

Как процесс, затронувший практически все их сообщество, эта стадия развития вызвала появление целой плеяды новых религиозных групп (новоменнониты) как своеобразного ответа на социально-культурные условия жизни в Российской империи, с одной стороны. С другой же стороны, практически привело к административной анархии, ибо новые религиозные группы отказывались подчиняться прежним органам власти. Исходя из этого можно считать, что религиозное движение 60-70-х гг. XIX ст. фактически стало своеобразной формой социальной революции, прямым результатом которой был отказ части общин (новоменнонитов) признавать разделение на полных и неполных хозяев, принятое в колонистском сообществе. Проведенная в 1871 г. правительством колонистская реформа имела тот же вектор действия, уравнивая всех меннонитов не только в церковных, но и социальных правах. Таким образом, изменение религиозной политики правительства было вызвано, прежде всего, проблемами неурегулированности границ полученной меннонитами религиозной свободы (как это совершенно справедливо отметил в своей статье Дж.Стейплз³), ибо правительство уже к середине XIX ст. четко осознало, что меннониты сами не в состоянии самостоятельно справляться со своими внутренними церковными (и прежде всего, церковно-административными) проблемами. С другой же стороны, их вызвала к жизни и сама логика развития меннонитского сообщества, которое к этому времени в качестве конгломерата взаимообособленных автономных общин уже практически исчерпало свой ресурс управляемости и самоуправляемости.

Проведенная земская реформа в отношении колонистского населения (1871) была в целом одобрена меннонитами, несмотря на то, что ее осуществление вызвало довольно серьезные возмущения на Молочной⁴. Ободренные такой реакцией власти начали активно зондировать почву среди них и относительно военной реформы, тем более, что перед глазами уже был пример Пруссии в разрешении данных проблем. Активные консультации правительства конца 60-х гг. XIX ст., «особенно, – как подчеркивал в своем рапорте Новороссий-

ский и Бессарабский генерал-губернатор П.Е.Коцебу, – с наиболее влиятельными и зажиточными меннонитами с Молочной»⁵, показали, что значительная часть меннонитов, «за исключением только религиозных фанатиков», все-таки готова согласиться с предполагаемыми преобразованиями, в том числе и распространением на них военной службы в исключительно альтернативных формах (сначала лесная, а затем и санитарная служба в действующей армии)⁶. Однако бестактное поведение одного из чиновников МГИ (полковника Бартеломи) во время очередных переговоров по данному вопросу на Молочной привело к серьезным волнениям, когда действительные планы правительства были многократно преувеличены и искажены⁷. До того как удалось успокоить в этом отношении меннонитское население империи, территорию России навсегда покинула почти его треть⁸.

Однако опыт разрешения данной проблемы продемонстрировал и другое. Правительство увидело, что даже предпринятые им столь радикальные перемены воспринимаются меннонитским сообществом, хотя и с разной степенью энтузиазма. В 70-80-х гг. XIX ст. происходило окончательное вызревание форм организации церковной жизни меннонитов, то есть *конференций* как формы сотрудничества и координации между собой независимых менонитских общин. В эту эпоху общий уровень пассионарности и остроты осознания собственной религиозной самоидентификации меннонитов значительно снизился, толерантность и объединительное движение внутри их сообщества приобретали все большую популярность. Одновременно также проявлялась все большая потребность в гармоничном сосуществовании с интенсивно меняющимся окружающим обществом. Именно в эти годы начинают появляться и первые признаки бюрократизации церковной жизни меннонитов, ранее считавших ведение протоколов и т.п. регламентационных записей «Вавилонским установлением»⁹. Поэтому, когда правительство, подталкиваемое настоятельной необходимостью модернизации всего российского общества, перешло к кардинальным реформам, в основе которых лежала политика универсализации, оно уже было твердо уверено, что меннониты не только воспримут, но и примут внедряемые им сверху нововведения. Поэтому 6 августа 1880 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий был выделен в самостоятельное учреждение, 16 марта 1881 г. вновь включен в состав МВД как часть общего Департамента духовных дел, куда в конечном итоге и было передано наблюдение за церковными делами меннонитов¹⁰.

Осуществление нового курса внутренней политики положило конец не только колонистскому статусу меннонитов в России (в числе прочих иностранных поселенцев), но и значительному урезанию их прежних религиозных прав и свобод. Прежде всего, значительно сузились права меннонитского церковного самоуправления в отношении его организационных и контрольных функций. Рассмотрение всех проступков, попадавших под категорию уголовных преступлений и гражданских правонарушений, было выведено из-под контроля общины. Если раньше рассмотрение и наказание нетяжких проступков и преступлений меннонитов происходило внутри их общин и налагались только традиционные для них моральные наказания (отлучение, бойкот и т.п.), а информация о них оставалась практически закрытой для внешнего мира¹¹, то отныне все эти дела передавались ведению местной гражданской или судебной администрации на общих основаниях. Кандидатуры церковных старшин, прежде утверждаемые в своих должностях органами опеки по факту выборов их общинами, отныне подлежали обязательному одобрению местной гражданской администрацией. Согласно новым правилам они обязаны были не только давать присягу по утвержденной для меннонитов форме (торжественное обещание), но и, подобно священникам всех других конфессий, сообщать правительству о политически неблагонадежных лицах¹².

Одновременно и также в рамках общего курса внутренней политики из-под исключительного контроля церковных старшин меннонитов в 1880 г. была выведена сельская школа (как и всех остальных колонистов); все обучение (кроме уроков закона Божьего и родного немецкого языка) было переведено на русский язык. На русский же язык была переведена вся метрикация меннонитских общин¹³. Далеко не все эти перемены были с одобрением встречены меннонитами. В то же время они и не встретили среди них сколь-нибудь серьезного сопротивления.

Тем не менее, вплоть до 80-х гг. отношение российских чиновников к меннонитам можно охарактеризовать как благожелательно-равнодушное, ибо, как писал в свое время А.Дородницын, «от иноверных религиозных обществ в догматическом отношении требовалось одно, чтобы в вероучении данного религиозного общества не заключалось ничего противного основным началам христианства, нравственности и гражданского устройства»¹⁴. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на планы радикальных реформ в разных сферах общественной жизни, правительство все же тогда не вынаши-

вало планы по дальнейшему ограничению меннонитов в религиозных правах. Сложившаяся в постреформационную эпоху система взаимоотношений между меннонитами (как религиозным сообществом) и российской государственной властью в целом устраивала обе стороны и была все-таки гораздо более благоприятной, чем в нарождающейся в те годы Германской империи. Об этом косвенно свидетельствовала и продолжавшаяся вплоть до 1914 г. меннонитская эмиграция из Германии в Россию. Тем не менее, кардинальные изменения во взаимоотношениях между меннонитами и правительством произошли к началу 90-х гг. XIX ст., причем в значительной степени они были спровоцированы самими же меннонитами.

К этому времени меннонитские общины всех существовавших в Российской империи конфессий уже практически прошли все стадии вызревания своего сообщества от общины к церкви. Социальное развитие сопровождалось и вполне успешным вращением их религиозного сообщества в систему организации конфессиональной системы империи. Акцентуация на правильной организации своей внутренней жизни постепенно сменялась интересом к преобразованию на своих началах внешнего мира. Хотя их пиетизм был по-прежнему высоким, вектор его приложения приобрел принципиально новое направление, основой которого стало внешнее миссионерство. Со своей же стороны, уничтожив колониетскую систему, правительство само вытолкнуло жителей бывших изолированных иностранных поселений в окружающий их «большой мир». Поэтому новоменнонитские конфессии, как порожденные этой новой эпохой, все отличались большой склонностью к миссионерству.

Эпоха религиозных расколов, совпавшая со временем проведения широких социально-политических реформ в Российской империи способствовала преодолению и конфессиональной замкнутости меннонитов, превращению их миссионерской деятельности в заметное явление в религиозной жизни окружающего их инонационального и иноконфессионального мира. Однако изучение архивных документов показывает, что приписывание миссионерских влияний на окружающее население только братским меннонитам является не совсем корректным, ибо эти документы и материалы прессы того периода содержат многочисленные жалобы на меннонитов разных конфессий, хотя и при безусловном доминировании братских меннонитов¹⁵.

Информация о миссионерской деятельности меннонитов среди православных в полицию и другую гражданскую администрацию начала поступать уже в 40-е гг. XIX ст.¹⁶, однако именно с появлением

братских меннонитов в начале 60-х гг. она приняла лавинообразный характер. В 80-е гг. того же века об этом все настойчивее заговорили и православные издания, главным образом – «Епархиальные ведомости». Поэтому неудивительно, что в 1896 г. екатеринославский губернатор М.Д.Мартынов попросил екатеринославского епархиального миссионера А.Я.Дородницына изложить предложения о решительных мерах по борьбе с миссионерской деятельностью меннонитов. Последний в своей записке «Штунда и так называемое «Крестящее по вере соединенное меннонитское братство» предложил распространить закон 1894 г. о преследовании штундистов и на братских меннонитов, которые были, по его мнению, самыми ярыми распространителями «штундизма» среди православного населения¹⁷. Написанная А.Я.Дородницыным докладная записка принесла немало хлопот всем меннонитам, ибо, основываясь на ней, меннонитским (и, прежде всего, братско-меннонитским) общинам местные власти отказывали в регистрации или в разрешении работы по прямому назначению уже построенных молитвенных домов, как это было в кк. Тиге и Николайфельд в Заградовских поселениях на Херсонщине¹⁸, в к. Мемрик-Котляревка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии¹⁹. Возникли проблемы в данной области даже в старых Молочанских поселениях меннонитов в Бердянском уезде Таврической губернии²⁰.

Особенно же правительство тревожило активное распространение идей пацифизма в войсках, что было особенно опасным в условиях назревания Первой мировой войны. Так, например, баптисты-украинцы в с.Волосском Екатеринославского уезда Екатеринославской губ. в 1894 г. отказывались приносить присягу на верность царю, желая давать лишь торжественное обещание, как это было принято у меннонитов; или же баптисты из с. Томаковки того же уезда и губернии уклонялись от военной службы во время Первой мировой войны²¹ (оба факта для российских баптистов в целом не типичны).

Поэтому, даже сделав ряд уступок в 1903-1905 гг. в религиозной сфере, правительство перешло к активным действиям, целью которых было установление прямого и непосредственного контроля государства над внутренней жизнью общин, подобно тому, какой существовал в отношении Православной церкви. Первым шагом в осуществлении этого стало введение в 1910 г. новых правил регистрации и функционирования нецерковных религиозных общин. Это вынудило меннонитов создать Первую всеменнонитскую конференцию и начать предпринимать серьезные объединительные усилия по сплочению представителей всех меннонитских конфессий для отстаивания

своих интересов перед правительством²². Тем не менее, несмотря на упорное сопротивление меннонитов, положение дел все более ухудшалось. В дальнейших планах правительства уже в 1913-1914 гг. было установление всемерного контроля над всеми религиозными общинами²³. Начало Первой мировой войны и развертывание антигерманской кампании разрушили всякую надежду на то, что меннонитам удастся сохранить свои религиозные права, пусть даже в значительно урезанном реформами 1871-1874 гг. виде. Поэтому вполне вероятным кажется предположение, что в конце концов правительство собиралось свести их конфессиональный статус до положения терпимой (легальной секты).

Таким образом, круг замкнулся: бежавшие из Польши и Пруссии меннониты вначале обрели в России столь желанную для них религиозную свободу и независимое самоуправление с широчайшими полномочиями, а затем, через 100 лет своей жизни в Российской империи, оказались вновь перед реальной угрозой оказаться в положении религиозно-социальных маргиналов.

Изменение религиозной политики правительства в течение второй половины XIX ст. было обусловлено и самой логикой внутреннего развития меннонитского сообщества как социального организма. Меннонитские общины к началу XX ст. уже достигли стадии социальной (т.е. церковной) зрелости и сами желали гармоничного вхождения в сложившуюся в империи систему межконфессиональных отношений, перейдя от состояния полного отрицания внешнего мира к стремлению его преобразования в соответствии с собственными правилами жизни. Политика невмешательства проводилась правительством ровно до тех пор, пока меннониты желали и требовали от него этого и сами придерживались условий договора с правительством в отношении соблюдения миссионерских интересов Православной церкви, с одной стороны. А с другой – пока проблемы настоятельной необходимости модернизации всего российского общества не заставили правительство перейти к политике универсализма, кардинальным образом нарушив права этого религиозного меньшинства. Острые социальные, политические, конфессиональные и другие противоречия, в конце концов приведшие к краху империи, подталкивали правительство к дальнейшим шагам в данном направлении, обостряя и без того напряженную обстановку.

Примечания

¹ *Friesen, P.M. Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789-1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte / P.M.Friesen. – Halbstadt, 1911. – S. 394 = Friesen, P.M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1789-1910) / P.M.Friesen; trans. from the German. – Fresno, 1978. – P. 575-591; Mennonites in Russia / ed. by J.Friesen. – Winnipeg, 1989. – P. 127-146; Plett, D. Saints and Sinners. The Kleine Gemeinde in Imperial Russia, 1812 to 1875 / D.Plett. – Steinbach, 1999; Schroeder, W. The Bergthal Colony / W.Schroeder. – Revised edition. – Winnipeg, 1986; Toews, J.B. Czars, Soviets & Mennonites / J.B.Toews. – Newton, 1982 и др.*

² Переписка между Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, Попечительным комитетом об иностранных поселенцах южного края России (подчиненным Министерству государственных имуществ), Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором и др.

³ *Стейплз, Дж.* Религия, политика и меннонитская жалованная грамота в начале XIX в. в России: пересмотр дела Варкентина / Дж.Стейплз // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И.Бобылева (отв. ред.) и др. – Д., 2003. – С. 4-22.

⁴ *Бондарь, С.Д.* Секта меннонитов в России... – С. 50-51, 63-64; *Государственный архив Российской Федерации.* – Ф. 102 (3 д-во), оп. 1886 г., д. 505, л. 1-14. – Далее: ГАРФ; *The Mennonite Encyclopedia.* – Vol. IV. – P. 712; *Reger, A.* Diese Steine. Ein Bildband zur Geschichte der Russlandmennoniten / A.Reger, D.Plett. – Manitoba, 2001. – S. 243.

⁵ *Российский государственный исторический архив.* – Ф. 821, оп. 5, д. 996, л. 108 об. – Далее: РГИА.

⁶ Там же. – Л. 103 об.

⁷ Там же. – Л. 20 об. – 21.

⁸ *Friesen, P.M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1789-1910).* – P. 591.

⁹ *История евангельских христиан-баптистов в СССР.* – М., 1989. – С. 419-420.

¹⁰ *Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / В.Карев (пред. редкол.) и др. – М., 1999. – Т. 1: А-И. – С. 694; Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (Путеводитель) / под ред. С.Н.Валка и В.В.Бедина. – Л., 1956. – С. 125.*

¹¹ *Безносова, О.В.* Особливості церковного облаштування менонітів в українських губерніях Російської імперії в колоністський період (1786-1874) / О.В.Безносова // *Історія релігій в Україні: науковий щорічник.* – Л., 2007. – Кн. 1. – С. 163-165.

¹² *Государственный архив Одесской области.* – Ф. 1, оп. 1, д. 1725, л. 7. – Далее: ГАОО.

¹³ *Образование // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / В.Карев (пред. редкол.) и др. – М., 2004. – Т. 2: К-О. – С. 676-677.*

¹⁴ *Алексий (епископ).* Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX ст. / Алексий (епископ). – Казань, 1909. – С. 136.

- ¹⁵ РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 940, 975, 995, 1011, 1017, 1024, 1025; ГАОО. – Ф. 1, оп. 1, д. 1725; Ф. 6, оп. 1, д. 6655; *Государственный архив Запорожской области.* – Ф. 246, оп. 1, д. 105, л. 40-40 об. – Далее: ГАЗО; *История распространения сектантства в приходе Петропавловской церкви с. Соленького Екатеринославского у.* (Записка священника о. А.Недригайлова от 29 мая 1897 г.) // *Алексий, епископ (Дородницын). Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX ст. / Алексий, епископ (Дородницын).* – Казань, 1908. – № 292. – С. 426; *Высотский, А.* Сведения о состоянии раскола и сектантства и деятельности православной миссии в Таврической епархии в 1897 г. / А.Высотский // *Таврические епархиальные ведомости.* – 1898. – Январь. – № 1, неоф. – С. 40; Ноябрь. – № 22, неоф. – С. 1474; *Высотский, А.* Молокане или штундисты? / А.Высотский. // Там же. – 1896. – Март. – № 9, неоф. – С. 303-304 и др.
- ¹⁶ ГАОО. – Ф. 6, оп. 1, д. 6655; ГАЗО. – Ф. 246, оп. 1, д. 105, л. 40-40 об.
- ¹⁷ *Евангельское движение в Российской империи (1850-1917): Екатеринославская губерния (Сборник документов и материалов) / сост. и ред. О.В.Безносова.* – Д.; Штайнхаген, 2006. – С. 10, 117-138.
- ¹⁸ РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 1032, л. 25-35, 47-48, 59-64 об.
- ¹⁹ *Евангельское движение в Российской империи (1850-1917): Екатеринославская губерния (Сборник документов и материалов).* – С. 110-116, 256-257.
- ²⁰ РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 940, л. 87.
- ²¹ *Дородницын, А.Я.* Десятилетнее странствование вне Православной Церкви (исповедь штундиста) / А.Я.Дородницын // *Екатеринославские епархиальные ведомости.* – 1898. – Май. – № 15. – С. 385-386; *Центральный государственный исторический архив Украины в г.Киеве.* – Ф. 313, оп. 2, д. 3125, л. 48-48 об., 49.
- ²² *Mennonites in Russia.* – P. 345; *Клиппенштайн, Л.* Отказ от военной службы по мотивам совести в меннонитских общинах царской России / Л.Клиппенштайн // *Долгий путь российского пацифизма / Ин-т всеобщей истории РАН.* – М., 1997. – С. 160-170; *История евангельских христиан-баптистов в СССР.* – С. 439.
- ²³ ГАРФ. – Ф. 102, оо. оп. 1913 г., д. 85, л. 239 об.

Надійшла до редколегії 12.09.2007